

УДК 957.1
ББК 63.3(253)

А.М. КУРЫШОВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ХОЗЯЙСТВЕ БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ
(в контексте миграционных процессов начала XX столетия)**

Рассматривается влияние миграционных процессов на трансформацию традиционного хозяйства западных бурят в начале XX в. Делается вывод о том, что миграционные процессы в начале XX в. были основным фактором изменений бурятского хозяйства.

Ключевые слова: западные буряты, традиционное хозяйство, миграции, Предбайкалье, история экономики.

A.M. KURYSHOV

**SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS
IN THE TRADITIONAL ECONOMY BURYATS
OF CISBAIKALIA
(in the context of migration processes
of the early twentieth century)**

Author analyzes the impact of migration on the transformation of the traditional economy of the western Buryats at the beginning of the XX century. It is concluded that the migration processes in the beginning of the XX century were a major factor in the changes of the Buryat's economy.

Keywords: western Buryats, traditional economy, migration, Cisbaikalia, economic history.

Процессы миграции являются географическими по форме и социально-экономическими — по содержанию, поскольку вызываются, чаще всего (хотя и не всегда) экономическими факторами, а приводят всегда к изменению социально-экономических условий места назначения переселенцев. Если миграции охватывают территории компактного расселения иноэтничного населения, к изменению экономических условий добавляются национальные проблемы. Излишне говорить о актуальности исследования таких миграций и их различных аспектов в прошлом для понимания, анализа и прогноза подобных процессов в настоящем Российского государства. Мы остановимся лишь на одном из аспектов — влиянии миграций начала XX в. на традиционное хозяйство бурят Предбайкалья.

В начале XX в. в России в связи с обострением в европейской ее части аграрного вопроса (заклучавшегося, главным образом, в прогрессирующем малоземелье крестьян) начался самый масштабный со времен

освоения Сибири в XVII столетии миграционный процесс — переселение масс крестьянского населения Европейской России за Урал. Важным фактором этого процесса выступало государство, основным мотивом которого выступало желание снизить социальную напряженность в русской деревне, стонущей от малоземелья, не затрагивая при этом интересы помещичьего меньшинства. Важнейшим условием, обеспечившим масштабность крестьянского переселения, в полном соответствии с одним из законов основоположника теории миграций Е.Г. Равенштейна, стало строительство Транссибирской железной дороги. Но имперское правительство активно поддерживало переселение в Сибирь и иными способами, в частности — обеспечивая юридическую его сторону. Так, в 1889 г. была в значительной степени облегчена процедура переселения и причисления переселенцев к крестьянскому сословию, и уже Всероссийская перепись 1897 г., например, в Иркутской губернии (а отнюдь не сюда направлялся основной поток мигрантов) фиксирует факт того, что 22,15% мужчин и 9,57% женщин являлись уроженцами других регионов России [16, с. XIII]. С началом реформ П.А. Столыпина (с 1906 г.) правительство выступило как прямой организатор масштабного переселения в Сибирь. В результате население Сибири в 1897–1914 гг. увеличилось в два раза, а переселенцы составили более половины населения региона. В Иркутской губернии поселилось 127,5 тыс. человек, что составляло треть от русского населения губернии, зафиксированного переписью 1897 г.

Первым и самым главным следствием массового переселения крестьян в Сибирь для бурят стало сокращение их землепользования. Переселенцы в Сибири помещались на землях, изъятых из землепользования местных общин согласно законам 1896 и 1898 гг. Они предполагали ограничение земельного надела 15 десятинами на мужскую душу, независимо от сословия (инородцы или крестьяне). В условиях Иркутской губернии, где значительные площади были заняты бурятами (составлявшие по данным переписи 1897 г. 21,17% населения губернии, они имели в пользовании 48% земельных угодий на территории четырех из пяти округов губернии (Иркутский, Балаганский, Верхоленинский, Нижнеудинский) [7, прил. II, с. 18–20; 9, с. 60–61]), именно они попадали в первую очередь под положения реформы. Кроме того, в силу природных особенностей (расчлененность рельефа, влияние сибирского антициклона, значительное распространение многолетней мерзлоты, недостаточная теплообеспеченность и т.д.) далеко не все земли Прибайкалья могли быть использованы для хлебопашества. Самые продуктивные почвы Предбайкалья располагаются как раз там, где компактно проживали буряты — вдоль предгорий Восточного Саяна, в Тулуно-Иркутской лесостепи, вдоль речных долин Ангары, Оки, Ии, Куды, Осы, в верховьях Лены. Содержание гумуса в здешних почвах может достигать 50% (в среднем по Восточной Сибири — 4–9%) [3, с. 25]. В этих условиях переселенцы, до этого переезжавшие в

Предбайкалье, часто оказывались без земли. В конце XIX в. в Иркутской губернии от 68 до 86% переселенцев (в зависимости от округа) были безземельными [8, с. 5; 9, поселенные табл., с. 129, 137].

Для сокращения в первую очередь бурятского землепользования власти имели несколько оснований. Во-первых, буряты обладали чрезмерными, с точки зрения властей, земельными угодьями (притом что большая часть бурят к этому моменту была земледельческой, а не скотоводческой, что могло бы объяснить такую «чрезмерность»). Если исключить леса, составляющие зачастую более половины всех земельных угодий, то на душу населения (не на мужскую душу!) у инородцев Иркутского округа приходилось 6,9 дес., Балаганского округа — 11,1 дес., Нижнеудинского округа — 14 дес., Верхоленского округа — 11,7 дес., в целом по четырем округам — 10,1 дес., в среднем по четырем округам — 10,9 дес. земли. У русских крестьян эти показатели — 3,7 дес., 5,2 дес., 7,2 дес., 3,5 дес., 4,9 дес. и 4,9 дес. соответственно [7, с. 96–97; 8, прил. II, с. 18–20; 9, с. 4–5, 60–61, 67]. Разумеется, что данные величины значительно варьировались по ведомствам и отдельным селениям. Если рассчитать площадь земель на приписную душу, то у русских крестьян она составляла 9,6 дес., что явно не дотягивало до установленной властями 15-десятинной нормы, у инородцев — 19,2 дес. Во-вторых, значительная часть наиболее ценных земель — пашен и покосов — бурятами непосредственно не обрабатывалась, а сдавалась в аренду русским крестьянам (в том числе переселенцам). Сдача земли в аренду инородцами в конце XIX в. составляла (по четырем округам губернии): пашни — 8015,9 дес.; покосы и утуги — 89 112,7 дес.; общее количество — 97 128,6 дес., или 16,3% от общей площади пашен и покосов [7, с. 262; 9, поселенные табл., с. 69, 79].

К началу Первой мировой войны на территории Иркутской губернии, заселенной бурятами было запроектировано 349 наделов, 262 из них (75%) утверждено, на 86 наделов (24% от общего числа и 30% от числа утвержденных) выданы отводные записи [4, л. 219]. С 1914 г. начался постепенный спад темпов реформы, обусловленный объективными трудностями военного времени. С приходом к власти в стране Временного правительства реформа фактически сворачивается. И все же в итоге буряты лишились значительного количества земли.

Сокращение землепользования заставило отдельные группы бурят интенсифицировать собственное земледелие. Бурятское хлебопашество в силу географических особенностей территорий их проживания, несколько отличалось от хлебопашества русского. С одной стороны, «буряту, обеспеченному мелкоколесьем и степью, культивируемая земля обходится много дешевле, чем русскому крестьянину, селящемуся в дремучем лесу» [8, с. 6]. Если стоимость расчистки и пахоты одной десятины в тайге доходила до 100 р., то, например, в степном Бохан-

ском ведомстве Балаганского округа она составляла 28–39 р. В степных инородческих ведомствах один работник мог обработать за полевой сезон 12,4 десятин, в то время как житель лесных районов, где, как правило, и селились русские, — лишь 10,9 десятин [8, с. 42–43]. С другой стороны, в степных районах, где обычно и проживали инородцы, низкое качество почв, неглубокий снежный покров (что создавало проблему для посевов озимой ржи) заставляли земледельцев расширять площади посевов. Песчаные почвы, обычные для мест проживания бурятского населения, могли использоваться как пашни непрерывно лишь 4–16 лет, в то время как глинистые почвы — 10–20 лет, красный лесной суглинок — 30–60 лет. Поэтому под залежами у «инородцев» находилось в среднем по губернии около 14% пашни, у русских крестьян — около 10% [8, с. 10–11; 9, поселенные табл., с. 67, 77]. Одной из причин перевода пашни в залежи было наличие большого количества сорняков. Исследователи отмечают, что в бурятских ведомствах процент залежей от сорняков больше, чем в русских волостях [8, с. 8–11]. Все это в совокупности приводило к сохранению у бурят относительно примитивных систем севооборота. Исследователи, выделяя на территории Иркутской губернии два вида господствующей двупольной системы (двупольная с остатками переложной системы и двупольная с зачатками трехпольной), отмечали, что почти все бурятские ведомства относятся к первому виду, лишь два — Китойское и Капсальское — стоят на переходной ступени ко второму. Среди тех хозяйств, которые перешли к трехпольному севообороту, бурятские не зафиксированы [8, с. 19–20]. Кроме того, распространение залежей при избыточности земельных ресурсов сдерживало разложение общины — господствовало представление о том, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает и до тех пор, пока он ее обрабатывает. Достаточно было бросить землю в залежь на несколько лет, и она становилась общественным достоянием [18, л. 108].

Теперь бурятским крестьянам приходилось переходить к трехпольной системе. В 1917 г. у бурят под паром было 43,8% пашни, залежь составляла 7%, то есть, по сравнению с концом XIX в., ее удельный вес в пашне сократился вдвое [5, с. 480]. При сокращении площади пашни в целом, посевная площадь (без залежей и пара) увеличивалась. Если в 1887–1889 гг. посевная площадь у бурят составляла около 103 000 дес., в 1890 г. — более 106 500 дес., то к 1911 г. она выросла до 124 800 дес. [9, поселенные табл., с. 80–81; 11, с. 3; 19, л. 20]. Правда, эта тенденция не везде заметна. Так, в Верхоленском уезде в 1908 г. господствовало двуполье, а посевы на жниве (признак трехполья) были исключением [17, л. 40].

Другим проявлением влияния миграции крестьян из Европейской России на бурятское земледелие стали прямые контакты бурят с переселенцами, селившихся зачастую чересполосно с бурятами, и заимствование у последних более рациональных приемов земледелия —

использование новых культур, новых сортов, орудий труда. Посевы традиционной для бурят яровой ржи (ярицы) сокращаются и увеличиваются посевы ржи озимой (более урожайной). Так, с 1902 по 1909 г. посев ярицы сократился с 35 372 до 32 014 дес., а посев озимой ржи увеличился с 17 646 до 18 832 дес. [13, прил., вед. 1; 15, прил., вед. 1]. Вместе с тем прослеживается устойчивая тенденция роста урожайности ярицы. За период 1900-1906 гг. урожайность яровой ржи в бурятских ведомствах выросла с сам-1,4 до сам-3,8 [12, с. 2; 14, с. 2]. После завершения строительства Транссиба среди бурят широко стали распространяться веялки, молотилки, сеялки [2, с. 147]. Заимствовалась также техника строительства жилья и хозяйственных построек. Хлеб становится основной пищей бурят-земледельцев [2, с. 150, 153].

Общепринятым считается тезис о сокращении скота у бурят вследствие изъятия части земель для нужд колонизации. В 1917 г. у западных бурят было 397 737 голов скота, по отношению к 1887 г. оно сократилось на 28% [1, с. 16]. При более детальном рассмотрении оказывается, что сократилось значительно поголовье мелкого скота. Численность же крупного скота с 1889 по 1916 г. увеличилась с 278 031 до 306 362 голов (на 9,4%). В структуре крупного скота сократилось количество лошадей со 103 043 до 77 487 голов, но вместе с тем выросло поголовье крупного рогатого скота со 174 988 до 228 875 голов. Доля лошадей в общем поголовье скота сократилась с 21,7 до 17,3%, а доля КРС увеличилась с 36,8 до 51% [20, с. 90].

И все же изъятие значительной части бурятских земель для нужд колонизации негативно сказывалось на тех территориальных группах западных бурят (впрочем, весьма немногочисленных), которые продолжали усиленно заниматься скотоводством, поскольку 15-и десятичная норма была явно недостаточна для скотоводческого хозяйства. Это не могло понравиться и бурятской родовой верхушке, наживавшейся на сдаче общественных земель в аренду русским крестьянам и обладающей значительным количеством скота. Эти обстоятельства стали причинами миграций теперь уже бурятского населения в районы Монголии и Китая. В значительных масштабах этот процесс коснулся забайкальских бурят после распространения на них землеустроительной реформы (активно — с 1903 г.), когда часть агинских, селенгинских и хоринских бурят начала переселяться во Внутреннюю Монголию (так называемые «шэнээнские» буряты) и Внешнюю Монголию [21, с. 258], но и иркутские буряты также были затронуты миграционными процессами. Известно, что многие тункинские буряты и отдельные группы иркутских переселились в район озера Хубсугул. В расположенном юго-восточнее Булганском аймаке современной Монголии до сих пор живут потомки тункинских и аларских бурят [10, с. 87–88]. Помимо нехватки земли другой причиной миграции бурят на юг стало провозглашение в 1911 г. автономии Внешней Монголии.

Итак, последовательное развитие земледелия у западных бурят наблюдается со времен прихода в Сибирь русских в XVII в., возможно, оно имело место и ранее, но на рубеже XIX–XX вв. основным фактором трансформации традиционного хозяйства западных (иркутских) бурят стала миграция крестьянского населения из Европейской России в Предбайкалье. Колонизационная политика правительства, приведшая к сокращению землепользования бурят, повлекла за собой интенсификацию земледелия, оптимизации форм и способов ведения хозяйства. Вместе с тем, отдельные немногочисленные группы западных бурят, сохранявших скотоводческий характер хозяйства, не смогли приспособиться к новым условиям и эмигрировали на территорию Цинской империи (в Монголию). Прямое влияние переселенцев на хозяйство бурят выразилось в освоении последними новых орудий труда, заимствовании отдельных элементов русского быта и традиционной русской земледельческой культуры.

Список использованной литературы и источников

1. Балданова А. С.-Д. Трансформация традиционного хозяйственного природопользования бурят в конце XIX — начале XX вв. / А. С.-Д. Балданова // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4. — Т. 2. — С. 13–18.
2. Буряева О. В. Русско-бурятское этнокультурное взаимодействие в XVIII–XIX вв. / О. В. Буряева // Идеи и идеалы. — 2012. — № 4. — Т. 1. — С. 145–158.
3. Винокуров М. А. Экономика Иркутской области: в 2 т. / М.А. Винокуров, А. П. Суходолов. — Иркутск : Изд-во ИГЭА: Изд-во ОАО «Облмашинформ», 1998. — Т. 1. — 276 с.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 171. — Оп. 1. — Д. 7.
5. Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. — Иркутск : Изд. Министерства снабжения и продовольствия, 1919. — 520 с.
6. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. II. — Москва, 1890. — 343 с.
7. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. III. — Москва, 1890. — 295 с.
8. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. IV. — Москва, 1890. — 426 с.
9. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. VI. — Иркутск, 1892. — 508 с.
10. Нанзатов Б. З. Монгольские буряты: диаспора в состоянии вызова / Б. З. Нанзатов // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. — С. 83–110.
11. Обзор Иркутской губернии за 1890 год. — Иркутск : Губернская типография, 1891. — 20 с.

12. Обзор Иркутской губернии за 1900 год. — Иркутск : Губернская типография, 1901. — 50 с.
13. Обзор Иркутской губернии за 1902 год. — Иркутск : Губернская типография, 1903. — 44 с.
14. Обзор Иркутской губернии за 1906 год. — Иркутск : Губернская типография, 1909. — 39 с.
15. Обзор Иркутской губернии за 1909 год. — Иркутск : Губернская типография, 1911. — 82 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXV: Иркутская губерния. — СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. — 171 с.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 1110.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 396. — Оп. 1. — Д. 627.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 408. — Оп. 1. — Д. 1024.
20. Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / И. И. Серебренников. — Верхнеудинск : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1925. — Т. 1. — 226 с.
21. Цыденова Т. Б. Буряты Китая в российской историографии / Т. Б. Цыденова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 8. — С. 255–260.

Информация об авторе

Курышов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@isea.ru.

Author

Kuryshov Andrey Mihailovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: history@isea.ru.

УДК 9(С)15
ББК 63.3

М.Д. КУШНАРЕВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ ФИРМОЙ «КОКОВИН И БАСОВ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье определены этапы организации пушной торговли фирмой М.А. Коковина и И.А. Басова на территории северо-восточной Сибири в период интенсивного развития капиталистических отношений. Автор пришел к выводу, что предприятие «Коковин и Басов» имело значительные обороты в пушной торговле, а так же сочетало скупку пуш-